

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дмитрий Олегович КУРИЧКОВ,

ORCID 0009-0000-6714-9676

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

kurichkov_do@mail.ru

Научная статья

УДК 343.7

ОТГРАНИЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СОСТАВА КРАЖИ ОТ СПЕЦИАЛЬНОГО СОСТАВА МОШЕННИЧЕСТВА В СЛУЧАЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Кража с банковского счета, мошенничество, электронные средства платежа, имущество, обман, злоупотребление доверием, умысел, корыстная цель.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены некоторые теоретико-прикладные аспекты исследования бесконтактных форм хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа. В ходе исследования, проведенного автором статьи, осуществлен сравнительный анализ ряда признаков составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. Проведено разграничение общественно опасных деяний, ответственность за совершение которых закреплена в данных уголовно-правовых нормах. Они разграничиваются, в частности, по характеру и направленности обмана как способа действий, облегчающего доступ к чужому имуществу, в одном случае и как способа изъятия чужого имущества – во втором. Автором статьи изучены научные работы по теме исследования, обобщена судебная практика применения уголовного законодательства в сфере охраны прав собственности. По результатам проведенного анализа обоснована актуальность уголовно-правовой защиты имущественных прав от посягательств, совершаемых с использованием электронных средств платежа. **Методы.** Методологическую базу исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, обобщение, классификация, сравнение), так и частнонаучные методы (формально-юридический, метод анализа документов, сравнительно-правовой метод). **Результаты.** Автором обобщены сведения о случаях переквалификации деяний рассматриваемого им вида с мошенничества на кражу. Проанализированы причины переквалификации. На основе полученных данных автор вступает в научную дискуссию по поводу некоторых вопросов отграничения квалифицированного состава кражи от специального вида мошенничества в случаях совершения преступлений с использованием электронных средств платежа. В заключение статьи сформулированы критерии разграничения составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире наблюдается негативная тенденция увеличения числа преступлений, совершаемых с использованием электронных технологий, сети Интернет, в отношении безналичных денежных средств, цифровых активов и имущественных прав. Как справедливо заметил

М.В. Степанов, можно утверждать, что в настоящее время уголовно-правовая охрана собственности как одного из важнейших ее объектов осуществляется на недостаточно приемлемом уровне [1, с. 309].

Вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием безналичных де-

Dmitriy O. KURICHKOV,
ORCID 0009-0000-6714-9676
Siberian Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (Krasnoyarsk, Russia)
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
kurichkov_do@mail.ru

DISTINGUISHING THE QUALIFIED OFFENSE OF THEFT FROM THE SPECIAL OFFENSE OF FRAUD IN CASES OF CRIMES COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

KEYWORDS. Theft from a bank account, fraud, electronic means of payment, property, deception, breach of trust, intent, selfish purpose.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents some theoretical and applied aspects of the study of contactless forms of theft committed using electronic means of payment. In the course of the research conducted by the author of the article, a comparative analysis of a number of elements of crimes provided for in paragraph «g» of Part 3 of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. A distinction has been made between socially dangerous acts, responsibility for the commission of which is enshrined in these criminal law norms. They are differentiated, in particular, by the nature and direction of deception as a method of action that facilitates access to someone else's property, in one case, and as a method of confiscating someone else's property, in the second. The author of the article has studied scientific works on the research topic and summarized the judicial practice of applying criminal legislation in the field of protection of property rights. Based on the results of the analysis, the relevance of criminal law protection of property rights from attacks committed using electronic means of payment is substantiated. **Methods.** The methodological basis of the study included both general scientific (analysis, synthesis, deduction, generalization, classification, comparison) and private scientific methods (formal legal, method of document analysis, comparative legal method). **Results.** The author summarizes information about cases of reclassification of acts of the type he is considering from fraud to theft. The reasons for retraining are analyzed. Based on the data obtained, the author enters into a scientific discussion about some issues of distinguishing qualified theft from a special type of fraud in cases of crimes committed using electronic means of payment. In conclusion, the article formulates the criteria for delimiting the elements of crimes provided for in paragraph «g» of Part 3 of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

нежных средств и виртуальной валюты, довольно часто становятся предметом научных дискуссий. Достаточно подробно они рассмотрены в трудах В.В. Векленко [2], И.И. Кучерова, Н.В. Летелкина, Н.А. Лопашенко [3], Т.В. Пинкевич, М.А. Просто-сердова, В.В. Хилота [4], М.В. Степанова [5] и ряда других ученых. Однако восполнить все пробелы в уголовно-правовой регламентации подобного рода деяний пока так и не удастся. В связи с этим нами была изучена литература и судебная практика, накопленная в разных регионах страны, с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации. Удалось установить, в частности, что обман используется преступниками не только как способ совершения мошенничества, но и как элемент совершения кражи, а некоторые характеристики субъективной стороны преступлений позволяют более точно разграничить кражу и мошенничество, совершенные с использованием электронных средств платежа.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялись общенаучные методы: анализ и синтез – для всестороннего и детального изучения отличий в квалификации кражи и мошенничества, совершенных с использованием электронных средств платежа, углубленного их исследования; дедукция, которая позволила сделать вывод о соотношении кражи и мошенничества, совершенных с использова-

нием электронных средств платежа; обобщение, с помощью которого на основании большого количества отдельных свойств и признаков краж и мошенничеств нами был сделан вывод о сходстве и различиях в механизме совершения этих преступлений; классификация позволила структурировать информацию о кражах и мошенничествах, совершенных с использованием электронных средств платежа, сделать ее более четкой и понятной для усвоения; сравнение дало возможность сопоставить сведения об элементах преступлений рассматриваемых видов. Из частнонаучных методов нами были выбраны: формально-юридический метод – для более точного и адекватного правоприменения; метод анализа документов, который помог понять, в какой степени в обществе охраняется право собственности, соблюдается законность; сравнительно-правовой – для изучения юридической практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблемы негативной динамики преступности, связанной с совершением противоправных деяний с использованием электронных средств платежа – краж и мошенничеств, – интересуют не только ученых-материалистов, но и специалистов-практиков различных сфер жизни общества. Центральный Банк Российской Федерации в 2023 году зафиксировал прирост жалоб клиентов на мошеннические действия со стороны злоумышленни-

¹ Объем похищенных мошенниками средств в 2023 году вырос до 15,8 млрд рублей // Официальный сайт информационного агентства «Интерфакс». 13.02.2024 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/945907> (дата обращения: 05.05.2024).

ков, использовавших в отношении пострадавших методы социальной инженерии. За 2023 год при улучшении общих результатов банковской превенции преступникам удалось провести операции без согласия клиентов на сумму 15,8 млрд рублей. При этом вернуть клиентам банков удалось всего лишь 1,3 млрд рублей (то есть всего 8,7% от общего объема похищенных средств)¹. Кроме того, недовольство граждан вызвала деятельность микрофинансовых организаций, которая для привлечения клиентов осуществлялась с использованием недостоверной информации в сети Интернет.

В целях защиты населения Российской Федерации от криминальных действий в банковской сфере 26 февраля 2024 года Государственная Дума приняла Федеральный закон № 31-ФЗ, которым внесены изменения в федеральные законы «О кредитных историях» и «О потребительском кредите (займе)». Главным достижением закона стало предоставление возможности установления запрета на получение кредитов и займов, с помощью которого клиенты банка могут обезопасить себя от нежелательных последствий манипуляций с их счетами.

На фоне усугубления проблемы с растущим количеством хищений, осуществляемых с использованием электронных средств платежа, постепенно стали проявляться возникающие у правоприменителя затруднения с квалификацией этих преступлений. Так, анализ судебной практики показал распространенность следственных ошибок, влекущих за собой дальнейшую переквалификацию в суде деяния со ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Первая причина возникновения такой ситуации является в большей степени субъективной: она заключается в недостаточной компетентности правоприменителя, который неверно интерпретирует нормы права или не знает об изменениях, внесенных в уголовное законодательство. Вторая причина – по большей части объективная: это сложности, связанные с разграничением краж и мошенничеств, совершаемых с использованием электронных средств платежа, в случаях хищения средств при бесконтактной оплате в рамках лимита платежа, допускаемого без введения ПИН-кода¹. Суд по сложившейся традиции квалифицирует такие деяния по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, руководствуясь п. 25.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ) от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», который появился после упразднения соответствующего абзаца п. 17 ПП ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Позиция суда в данном случае

видится нам вполне разумной и заслуживающей поддержки.

По ст. 159.3 УК РФ суд чаще всего квалифицирует деяния виновных, которые, например, использовали возможности сети Интернет для создания заведомо ложных объявлений о продаже имущества, когда преступники требовали от пострадавших внесения предоплаты через банковскую карту. При этом банковские карты злоумышленников суд рассматривает как электронные средства платежа [6, с. 17].

Рассмотрим пример. Группа лиц в составе Г.И. и С., совершившая разбойное нападение, завладела наряду с похищенным имуществом банковской картой потерпевшего и с ее использованием совершила оплату покупки в магазине бесконтактным способом. В кассации суд указал, что по смыслу закона хищение может быть квалифицировано как совершенное с использованием виновным электронного средства платежа, если изъятие денег было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, обоснованность квалификации действий Г.И. и С. по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ справедливо вызвала сомнение². Аналогичные примеры обнаруживаются в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 4 августа 2022 г. № 44-УД22-21-К7, кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 августа 2021 г. № 5-УДП21-71-К2 и множестве других судебных актов.

Рассматривая подобные прецеденты, В.В. Векленко отмечает, что совершение кражи может сопровождаться обманом в том случае, когда он направлен на облегчение доступа к имуществу в целях его последующего тайного изъятия [2, с. 88-89]. Об этом же говорится и в ПП ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» – в последнем абзаце пункта 2. Соглашаясь с приведенными позициями, считаем необходимым квалифицировать такие деяния по основному видовому способу как кражи. Данное правило квалификации объясняется тем, что в процессе реализации умысла на тайное хищение преступник может использовать любые другие способы, отличные от кражи, которые не могут и не должны иметь первоочередного значения, а выступают лишь условием, обеспечивающим осуществление в конечном итоге тайного хищения имущества.

Схожей точки зрения по вопросу вариативности способов совершения кражи придерживается В.Н. Винокуров³. Он говорит о том, что при тайном хищении чужого имущества, когда имущество передается преступнику исключительно для совершения технических действий и у него возникает доступ к имуществу, такое деяние требуется

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2021 № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159.3 УК РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» // Судебные и нормативные акты Российской Федерации // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 № 77-292/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Винокуров В.Н. Квалификация хищения вверенного имущества: Учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. С. 45.

квалифицировать по ст. 158 УК РФ. Следовательно, такие деяния, когда злоумышленнику передают информацию для последующего доступа к имуществу или предоставляют непосредственный доступ к нему, а он в конечном итоге тайно этим имуществом завладевает, однозначно квалифицируются как кража.

Исходя из этого, можно констатировать, что проблемы разграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 158 и 159.3 УК РФ, в научной литературе связывают именно со способами доступа и изъятия предмета посягательства виновным, обманывающим потерпевшего¹. В остальном данные составы преступлений и вовсе не конкурируют между собой.

Гипотетически тайность, раскрывающаяся через субъективные признаки (осознание виновным факта незаметности его действий для собственника, иного владельца либо других лиц; факта сохранения присутствующими увиденного в тайне; непонимания окружающими противоправности действий виновного), является весьма конкретизированной категорией. Обман же и злоупотребление доверием могут быть представлены в большем многообразии (в намерении исполнения обязательств, в качестве и (или) количестве предлагаемого товара, в статусе виновного, в сроках, в обмане-взятке, в корыстном использовании служебных полномочий и т.д.). На основании изложенного можно утверждать, что логика законодателя в дополненных и измененных конструкциях п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ, опередившая разъяснения Верховного Суда Российской Федерации (имеются в виду дополнения 2021 года), представляется вполне последовательной. Хотя некоторые авторы с законодателем не соглашаются.

По мнению М.В. Степанова, в случаях, когда ПИН-код от карты пострадавшего получен виновным путем обмана или злоупотреблением доверием, обман как признак сохраняется, а значит, необходима квалификация преступления по ст. 159.3 УК РФ. Даже если механизм обналичивания или иных операций с денежными средствами в безналичной форме, требующий идентификации, не был ярко выражен [5, с. 204].

В свою очередь, Н.А. Лопашенко рассматривает такие разновидности обмана, как умолчание об истине, когда сообщение сведений о ней влияет на принятие решения потерпевшим; обман в личности виновного и др. [3, с. 262, 274].

А.В. Архипов, полагая, что мошенничество с использованием электронных средств платежа нельзя признать «классическим» мошенничеством, считает не совсем удачным применение юридической техники при использовании термина «мошенничество» в названии нормы УК РФ [6, с. 17]. Помимо этого, он говорит о неправомерности квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ действий, связанных с оплатой товаров (работ, услуг) чужими или поддельными электронными средствами платежа в торговых и иных организациях, сопровождающихся обманом сотрудников этих организаций [6, с. 18].

Представляется, что оплата товаров (работ, услуг), произведенная таким образом, отличается тайным характером списания денежных средств с банковского (иного) счета вне зависимости от того, участвует ли при этом представитель организации или нет. Способ достижения корыстной цели виновным одинаков в такой схеме и тогда, когда для производства расчета он прикладывает банковскую или иную платежную карту к терминалу на кассе самообслуживания, и тогда, когда он это делает на кассе с продавцом-кассиром. В этом случае, разумеется, похищая денежные средства со счета, виновный умалчивает, что является держателем, а не законным владельцем платежной карты.

Законом в настоящее время не предусмотрено обязанности продавца распознавать личность плательщика при расчете с помощью платежной карты в магазинах и других торговых организациях. Виновный в ходе выполнения объективной стороны преступления действует скрытно, хотя и в присутствии других лиц. При этом для пострадавшего, с карты которого злоумышленник похищает денежные средства, не имеет никакого значения, как именно спишутся деньги. Поэтому, как совершенно справедливо отмечает С.В. Складов, ответственность за действия виновного должна быть единообразной, поскольку совокупность обстоятельств указывает на правильную квалификацию по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [7, с. 21].

При существующем разнообразии мнений правоприменитель сталкивается с проблемой осмысления характера обмана как составной части кражи или мошенничества. Думается, что правильным является такой подход: в составе мошенничества обман должен присутствовать в момент передачи имущества от фактического владельца виновному [8, с. 48].

При совершении кражи тайный способ может быть дополнен обманом. При совершении мошенничества обратная ситуация невозможна. Ведя речь о специальном виде мошенничества, предусмотренном ст. 159.3 УК РФ, мы вправе говорить о дополнении обмана или злоупотребления доверием только «использованием электронных средств платежа», что вытекает из смысла ссылочной диспозиции уголовно-правовой нормы. Обман представляет собой сообщение сведений, несоответствующих действительности, либо умалчивание о фактах (активная и пассивная формы). Злоупотребление доверием есть, по сути, корыстное использование виновным сложившихся доверительных отношений с потерпевшим. В этой части конструкция состава ст. 159.3 УК РФ много раз подвергалась критике со стороны ученых. А.П. Кузнецов считает, что «злоупотребление доверием» как конструктивный признак состава преступления должен быть и вовсе исключен из норм о мошенничестве [9, с. 363].

Абсолютно точное, по нашему мнению, умозаключение о соотношении обмана в краже и мошенничестве сделали в свое время Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова: «При краже обман – всего лишь

¹ Николаев К.Д. Отягчающие обстоятельства хищения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 19.

средство получения доступа к имуществу, которым еще предстоит завладеть, а при мошенничестве – способ завладения имуществом с получением соответствующих «правомочий» на него»¹. При мошенничестве реализации прямого умысла в достижении корыстной цели путем обмана должно предшествовать его возникновение в сознании виновного. Не менее интересна данная ремарка о моменте возникновения умысла и корыстной цели и в практическом смысле. Названная цель должна возникнуть до реализации умысла указанными выше способами [3, с. 280-283], и это важно учитывать при разграничении преступных деяний. Будучи введенным в заблуждение, потерпевший в случае мошенничества становится убежденным в законности передачи имущества виновному [2, с. 90, 93].

Разберем показательный пример. В приговоре Соликамского городского суда отмечено, что Т.М.Г., намереваясь удовлетворить свои корыстные потребности путем обмана, используя Интернет, создала в группе социальной сети объявление о розыгрыше духов. В рассылаемых со своего аккаунта сообщениях виновная, не имея в действительности духов и не намереваясь их доставлять, утверждала, что получатели этих сообщений выиграли духи, и предлагала им оплатить их доставку². Действия Т.М.Г. суд квалифицировал по ст. 159.3 УК РФ. Считаем, что в данном случае судом было нарушено правило конкуренции общей и специальной норм об ответственности за мошенничество, несмотря на то, что обстоятельство произошедшего достоверно указывают на состав преступления, предусмотренный ст. 159.3 УК РФ (Т.М.Г. не только обманула потерпевших, но и использовала электронные средства платежа).

Аналогичная судебная ошибка была допущена, на наш взгляд, и при квалификации Ангарским городским судом мошенничества, связанного с получением виновным от потерпевших предоплаты за покупку автомобиля в виде денежного перевода³. Казалось бы, в ч. 3 ст. 17 УК РФ законодатель недвусмысленно призывает отдавать приоритет специальной уголовно-правовой норме, и никаких сложностей на практике быть не должно. Такое положение вещей, очевидно, можно связать с другим видом конкуренции, которая называется «конкуренция части и целого». Она разрешается выбором нормы, наиболее полно охватывающей признаки совершенного преступного деяния. Но, как видно, это правило на практике не соблюдается [10, с. 6].

Правильно было квалифицировано Верховным Судом Республики Бурятия по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ хищение, когда преступник обманным путем перевел на свой счет денежные средства потерпевшего и в дальнейшем обналичил их⁴.

Выбор квалификации деяния непосредственно связан с направленностью умысла виновного [11, с. 96]. Полагаем, что при краже денежных средств с банковского или иного счета умысел должен быть направлен на тайное изъятие чужого имущества, а умыслом мошенника в отношении безналичных денежных средств должно охватываться введение фактического их владельца в заблуждение или злоупотребление его доверием именно для изъятия этих средств.

Итак, можно с полным основанием говорить о том, что состав мошенничества с использованием электронных средств платежа остается хищением со своими характерными способами изъятия имущества (денежных средств в безналичной форме, цифровой валюты) только посредством обмана или злоупотребления доверием, за исключением случаев, предусмотренных ст. 159.6 УК РФ. Обман в специальных видах мошенничества может иметь техническую и информационную природу (С.М. Кочои и Д.А. Овсюков сформулировали определение «электронного обмана» [12]). Проводить разграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа и квалифицированной кражи с банковского счета, а равно электронных денежных средств необходимо прежде всего по следующим признакам состава преступления:

- направленность умысла виновного для реализации корыстной цели;

- обман при краже облегчает доступ к изымаемому самим виновным в дальнейшем предмету преступления, а при мошенничестве служит основным непосредственным источником возможности завладения им (обманутый или доверчивый потерпевший сам осуществляет операцию с деньгами на счете);

- кража обязательно характеризуется как тайное хищение чужого имущества, что не специфично для мошенничества [13, с. 121];

- при мошенничестве виновный должен непосредственно использовать электронные средства платежа в процессе обмана или злоупотребления доверием, то есть при совершении общественно опасного деяния, а при краже их использование виновным будет являться формой распоряжения чужим имуществом (безналичными денежными средствами, цифровой валютой и т.п.) [14, с. 26].

Результаты анализа ошибок, допускаемых в судебно-следственной практике при квалификации деяний, связанных с хищением чужого имущества, наводит на мысли о неверной оценке всей совокупности обстоятельств дела субъектами правоприменения [15, с. 258].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При проведении разграничения между квалифицированным составом кражи и специальным составом мошенничества, совершенными с

¹ Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Преступления против собственности: Научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 28.

² Приговор Соликамского городского суда Пермского края от 09.12.2021 по делу № 1-463/2021 // URL: <https://actofact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

³ Приговор Ангарского городского суда от 03.08.2021 по делу № 1-763/2021 // URL: <https://actofact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

⁴ Определение Верховного Суда Республики Бурятия от 29.12.2021 по делу № 22-2539/2021 // URL: <https://zakony.online> (дата обращения: 04.05.2024).

использованием электронных средств платежа, необходимо точно устанавливать обстоятельства, характеризующие хищение: способ, характер причинения ущерба, момент возникновения и направленность умысла виновного, форма реализации умысла на достижение корыстной цели.

Право собственности как объект охраны занимает одно из приоритетных мест в уголовно-правовой политике. «Государство берет субъективное право собственности под свою охрану, запрещая совершение кем-либо действий, нарушающих правомочия собственника» [16, с. 48]. В связи с этим правоприменителю очень важно добиваться правильной квалификации хищений.

Отмеченные в статье современные тенденции криминализации цифрового пространства и существенный совокупный ущерб, причиняемый физическим и юридическим лицам при совершении имущественных преступлений, требуют адекватной реакции со стороны правоохранительных органов. И в первую очередь – высокоэффективного противодействия, осуществляемого уголовно-правовыми средствами. В частности, необходимо общими усилиями добиваться унификации правоприменительной практики и ее ориентации на принцип неотвратимости уголовной ответственности в делах, связанных с хищениями. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степанов М.В. Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 309-311.
2. Векленко В.В. Квалификация хищений: Монография. Омск: ОА МВД России, 2001. 256 с.
3. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. 408 с.
4. Хилыута В.В. Установление признаков предмета преступного посягательства по уголовным делам о преступлениях против собственности // Законность. 2023. № 1. С. 48-50.
5. Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 2 (40). С. 203-212.
6. Архипов А.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5. С. 16-20.
7. Складчиков С.В. К вопросу о конкуренции норм, предусматривающих уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, и мошенничество с использованием электронных средств платежа // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 17-22.
8. Яни П.С. Вопросы квалификации хищения безналичных денежных средств // Законность. 2022. № 1. С. 46-50.
9. Кузнецов А.П., Степанов М.В. Проблемы технико-юридического конструирования норм, предусматривающих ответственность за хищение имущества // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 356-367.
10. Черненко Т.Г. О квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Ч. 47. Томск: Издательство Томского университета, 2010. 264 с.
11. Агафонов А.В., Куричков Д.О. Особенности восприятия содержания субъективной стороны преступления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 9. С. 91-97.
12. Овсяков Д.А., Кочои С.М. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Вопросы квалификации: Монография. М.: Проспект, 2023. 181 с.
13. Филиппова Л.А. Квалификация хищений // Молодой ученый. 2019. № 29 (267). С. 121-123.
14. Яни П.С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство // Законность. 2022. № 8. С. 22-27.
15. Елец Е.А., Князькина А.К. Некоторые проблемы квалификации хищений (на основе анализа правоприменительной практики) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2019. № 3 (48). С. 255-260.
16. Елисеев С.А. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. 2008. № 1. С. 45-49.

REFERENCES

1. Stepanov M.V. Otsenka effektivnosti otdel'nykh napravleniy ugovovno-pravovoy politiki protivodeystviya prestupleniyam protiv sobstvennosti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2024. № 1 (65). S. 309-311.
2. Veklenko V.V. Kvalifikatsiya khishcheniy: Monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2001. 256 s.
3. Lopashenko N.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoye issledovaniye. M.: LeksEst, 2005. 408 s.
4. Khilyuta V.V. Ustanovleniye priznakov predmeta prestupnogo posyagatel'stva po ugovovnym delam o prestupleniyakh protiv sobstvennosti // Zakonnost'. 2023. № 1. S. 48-50.

5. Stepanov M.V., Petryanin A.V. Sotsial'no-pravovaya obuslovlennost' kriminalizatsii protivopravnoy deyatel'nosti, sopryazhennoy s ispol'zovaniyem tsifrovyykh finansovykh aktivov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11. № 2 (40). S. 203-212.
6. Arkhipov A.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha (st. 159.3 UK RF) // Ugolovnoye pravo. 2019. № 5. S. 16-20.
7. Sklyarov S.V. K voprosu o konkurentsii norm, predusmatrivayushchikh ugolovnyuyu otvetstvennost' za krazhu, sovershennuyu s bankovskogo scheta, i moshennichestvo s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2019. № 4 (72). S. 17-22.
8. Yani P.S. Voprosy kvalifikatsii khishcheniya beznalichnykh denezhnykh sredstv // Zakonnost'. 2022. № 1. S. 46-50.
9. Kuznetsov A.P., Stepanov M.V. Problemy tekhniko-yuridicheskogo konstruirovaniya norm, predusmatrivayushchikh otvetstvennost' za khishcheniye imushchestva // Yuridicheskaya tekhnika. 2013. № 7-2. S. 356-367.
10. Chernenko T.G. O kvalifikatsii prestupleniy pri konkurentsii ugolovno-pravovykh norm // Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sbornik statey. CH. 47. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2010. 264 s.
11. Agafonov A.V., Kurichkov D.O. Osobennosti vospriyatiya sodержaniya sub'yektivnoy storony prestupleniya // Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2023. № 9. S. 91-97.
12. Ovsyukov D.A., Kochoi S.M. Korystnyye prestupleniya protiv sobstvennosti s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey. Voprosy kvalifikatsii: Monografiya. M.: Prospekt, 2023. 181 s.
13. Filippova L.A. Kvalifikatsiya khishcheniy // Molodoy uchenyy. 2019. № 29 (267). S. 121-123.
14. Yani P.S. Moshennichestvo, prikrytoye dogovorom, porozhdayet vnedogovornoye obyazatel'stvo // Zakonnost'. 2022. № 8. S. 22-27.
15. Yelets Ye.A., Knyaz'kina A.K. Nekotoryye problemy kvalifikatsii khishcheniy (na osnove analiza pravoprimenitel'noy praktiki) // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2019. № 3 (48). S. 255-260.
16. Yeliseyev S.A. «Khishcheniye pokhishchennogo»: problemy kvalifikatsii // Ugolovnoye pravo. 2008. № 1. S. 45-49.

© Куричков Д.О., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Куричков Д.О. Отграничение квалифицированного состава кражи от специального состава мошенничества в случаях совершения преступлений с использованием электронных средств платежа // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 22-28.